

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — 956 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. — 784 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
4. Бек Ульрих. Общество риска: на пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000 — 384 с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество. — Москва: Логос, 2002. — 390 с.
6. Голдторп Дж., Джексон М. Межполенческая классовая мобильность в современной великобритании: политические аспекты и результаты исследований // SPERO. — 2009. - №10. — С. 181-200.
7. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. — М.: Институт социологии РАН, 2007.

Ванина К.И.,
г. Санкт-Петербург

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК — РЕАЛЬНОСТЬ ПОСТЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА?

Критическое переосмысление трансформации современной цивилизации в работах Э. Тоффлера, П. Друкера, В.Л. Иноземцева, и др. привело к выводу учёных о том, что в постиндустриальном обществе в сфере высоких информационных технологий принципы экономоцентризма перестают быть эффективными. Многие привычные условия функционирования капитала в соответствии с законами рыночных отношений становятся ненужными. Так, производство настолько усложняется, что требует не конкуренции, а планирования вплоть до

логистики, прибыль получается не за счёт эксплуатации, а за счёт развития творческих способностей работника, эффективность труда обеспечивается не за счёт утилитарной активности человека, а за счёт его творческой деятельности, не мотивированной материальными факторами и т.д. В связи с этим важно выяснить, как постэкономические трансформации отражаются не только на общественном производстве, но и на субъектном уровне, на уровне личности. Являются ли изменения, происходящие в современном обществе, условием для духовного, личностного развития человека, или они представляют антропологическую угрозу?

Обратимся к такой области человеческой деятельности как управление. Во всех современных концепциях управления прослеживается гуманистический подход в понимании данного рода деятельности. Однако в реальности управление движется к потере его субъектного характера. Волевое, харизматическое управление уходит в прошлое, прежде всего, в странах, вовлечённых в информационную революцию. На первый план в управленческой деятельности выступает поиск рациональной схемы работы, оптимизация взаимодействия материальных, энергетических и финансовых потоков. Работник рассматривается как звено общей технологической цепи. В случае его дисфункционального поведения или недостаточно эффективной работы он может быть заменён более действенным элементом. Так, например, в сфере торговли используется электронный эксперт под названием «РЕМОРАМА», что позволяет торговым сетям и покупателям не зависеть от продавца-консультанта. Данная экспертная система устанавливается на сенсорных панелях в торговых залах розничных сетей. Она выполняет самые сложные расчёты в 8-10 раз быстрее, чем это делает квалифицированный специалист, что позволяет закрепить за ней статус *технологического* лидера. Соответственно, работник торговли как элемент технологической цепи заменяется более современным элементом — электронным продавцом, который приносит прибыль и не требует зарплату [1, 39-41].

Что касается непосредственно самого управленческого процесса, то в новом подходе к пониманию предназначения менеджера прослеживается заказ объективных обстоятельств на чисто функциональное управление. Оптимизация бизнес-процессов вызывает необходимость создания матрицы функций по каждому подразделению организации. В ней просматривается чёткое распределение ответственности и аккуратное выполнение каждым своей функции. Задача руководителя — сделать так, чтобы организация не зависела от конкретного человека или группы людей, даже от него самого. Таким образом, не только исполнители, но и руководитель превращаются в элементы технологического процесса. Ограничение круга обязанностей руководителя составлением инструкций и схем функциональной деятельности элементов организации ведёт к выхолащиванию из менеджерской практики активно-волевой, духовной компоненты. Следует также учитывать всё более широкое использование технологических средств автоматизации управленческой деятельности. И хотя отмечается, что инновационные информационные технологии ещё не во всех сферах используются на должном уровне, но, тем не менее, предусматривается всё более активное их применение.

В организации, наравне с системами планирования ресурсов и автоматизацией производственных процессов, возможно использование технологий CRM. Они являются инновационными IT-технологиями в области управления процессами сбыта, маркетинга и обслуживания клиентов [2, 113-115]. Еще более широкий охват системы хозяйствования и управления новейшими технологиями предполагает использование программного продукта SageEXPX3. Его применение позволяет моделировать бизнес-процессы, начиная от управления производством и реализацией продукции и заканчивая вопросами подбора поставщиков, управления поставками, материально-технического обеспечения и финансового учёта. Программа SageEXPX3 адаптирована к языкам, валютам и законодательствам разных стран, что свидетельствует о её международном

уровне [3, 40-41]. Технологизация управленческой деятельности постепенно приобретает глобальный характер. В перспективе возможно появление транснациональной системы управления, предусматривающей включение конкретного предприятия через центральный компьютер в глобальную коммуникационную сеть, по которой данная организация будет получать руководящие программы [4, 61].

Таким образом, управленческое отношение сводится к технологическому, а, по сути дела, — к программированию. Постепенно формируется безсубъектное технологическое поступуправление. Это, скорее всего, означает отказ от оптимистического представления о руководителе как об активном субъекте управленческой деятельности. Главное, что характеризует пантехнологизм — это превращение человека из субъекта в «технологического человека», в агента технико-технологической системы (техноса). Для функционирования этой системы важен не сам человек, а те функции, которые он выполняет. Действия человека обезличиваются, у него отнимается право на рефлекссию, на аналитику себя как субъекта действия путём поиска ответов на вопросы: «Существую ли я в виде субъекта действия? Не разрушаюсь ли я как личность? Обладаю ли я свободой для принятия самостоятельного решения и действия?». Анализ формирующейся технос-системы свидетельствует о том, что человек-актор дрейфует не в сторону активной, социально-культурной личности, а в направлении превращения его в технологического агента этой системы.

Таким образом, приходится констатировать, что цивилизация в своём развитии вместо творческих сил человека всё больше начинает опираться на саморазвитие технос-системы. А превалирование системы ведёт к тому, что она начинает свёртывать всё то, что с ней не идентифицируется. Неизбежно возникает проблема самоидентичности человека, сохранение им качеств субъекта в результате экспансии современных технологий. Этот вопрос обсуждается в дискурсе социальных наук. Для того, чтобы индивид не модифицировался в «технологического человека» и сумел сохранить свою

уникальную, социально-антропологическую форму бытия, он должен адекватно отвечать на вызовы современного мира. И именно гуманитарное знание должно поддерживать традицию воссоздания человека в такой форме бытия, в которой сохраняется его идентичность как социально-культурной личности.

Отмечая гуманистическую традицию в произведениях большинства русских ученых следует обратиться к творчеству правоведа, социолога Г.Ф. Шершеневича (1863-1912). В представлении ученого реально существует лишь личность, а общество есть форма её жизнедеятельности. То, что дано прежде всего в опыте — это индивид с его изолированным сознанием. Шершеневич подчёркивает, что необходимо, прежде всего, смотреть на общество с точки зрения изолированного человека, а именно *живого* человека с его реальными наклонностями и потребностями. Ни одно общество, по мнению учёного, не может овладеть индивидуумом полностью, и в зависимости от того, насколько в человека не проникли силы, противодействующие его самости, его инстинкту самосохранения, настолько он будет действовать как естественный, изолированный человек. Он должен чётко осознавать, что социальное определяется не социальным, а антропологическим. Поэтому такие формы организации социальной жизни, как техника, технологии не должны быть враждебными антропологическому. По сути они для своей действительности должны иметь «корни в физической и психической природе человека» [5, 68]. Поэтому препятствием на пути превращения индивидуума из субъекта в «технологического человека» является сохранение человеком тождественности себе. Такая самоидентичность является неотчуждаемой субъективностью, первичной антропологической реальностью. Бунт антропологического против негативных социальных тенденций обнаруживает себя, как считает современный учёный Ф.И. Гирёнок, в феноменах свободы, творчества. «Хотеть быть свободным — это значит ускользать от внешней (социальной) детерминации и возвращать себя к себе и к своей *первичной реальности*».

Нельзя быть самим собой вне самореализации» [6, 130]. А это требует гармонического развития личностного бытия, главным вектором которого является духовно-нравственное возвышение человека.

Литература

1. Электронный продавец: приносит прибыль и не требует зарплату. // Современная торговля. – 2009. -№ 9.
2. Кокуева Ж.М., Кулагин В.Е. Развитие и роль технологий CRM в производственном секторе. //Менеджмент в России и за рубежом. – 2009.- № 5.
3. «Лёгкое» решение важных проблем. //Российская торговля. — 2009,- № 3-4.
4. Рувинова Э. Управление производством XXI века. Фантастика и реальность. //Электроника (наука, технология, бизнес). — 1996, - № 6.
5. Шершеневич Г.Ф. Философия права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910, т.1.
6. Гирёнок Ф.И. Почему закатилась звезда социальных наук? // Философия хозяйства- 2008- №3.

Василькова В.В., Басов Н.В.,
г. Санкт-Петербург

ИНТЕРАКТИВНЫЙ РИТУАЛ В ДИСТАНЦИОННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сегодня, с ростом мобильности, глобализацией и интенсификацией коммуникации необычайную актуальность приобретает поиск оптимальных путей обеспечения эффективной дистанционной совместной деятельности людей осуществляемой в реальном времени, характерной, например, для групп разработчиков программного обеспечения, рабочих групп в мультидивизиональных компаниях, проектных команд международных